

Эволюция модели культурных измерений Хофстеде: параллели между объективной и субъективной культурой*

Михаил Минков

PhD по социальной антропологии, научный руководитель Лаборатории сравнительных социальных исследований им. Р. Ф. Инглхарта, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; профессор кросс-культурных исследований, Варненский университет менеджмента, Болгария
Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, Москва, Российская Федерация 101000
E-mail: michaelminkov@yahoo.com.

Борис Соколов

Кандидат политических наук, заведующий, старший научный сотрудник Лаборатории сравнительных социальных исследований им. Р. Ф. Инглхарта, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; доцент департамента социологии, Санкт-Петербургская школа социальных наук и востоковедения, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге
Адрес: ул. Седова, д. 55, корп. 2, Санкт-Петербург, Российская Федерация 192171
E-mail: bssokolov@hse.ru; bssokolov@gmail.com

Илья Ломакин

Приглашенный исследователь Лаборатории сравнительных социальных исследований им. Р. Ф. Инглхарта, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; эксперт Департамента издательских программ, Всероссийский центр изучения общественного мнения
Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, Москва, Российская Федерация 101000
E-mail: ilomakin@hse.ru, elijah.lomakin@gmail.com

Более сорока лет назад голландский социолог Герт Хофстеде предложил популярную модель национальной культуры, до сих пор широко используемую в различных социально-научных дисциплинах. Вместе с тем за прошедшие годы стало очевидным, что эта модель имеет серьезные недостатки и требует всестороннего пересмотра. В настоящей статье описывается исходная концепция Хофстеде и основные связанные с ней проблемы, а также дается обзор наиболее важных ее уточнений, которые в итоге привели к появлению новой, более простой и в то же время лучше подтверждаемой данными модели Минкова-Хофстеде. Последняя позволяет объяснить межстрановые различия по таким индикаторам развития, как коррупция, гендерное равенство, смертность на дорогах и на производстве, образовательные достижения, насильственная преступность, подростковая рождаемость, преобладающая структура семьи, уровень инновационной активности и многие другие. Все эти страновые характеристики тесно связаны с культурными измерениями модели Минкова-Хофстеде. Это свидетельствует о том, что *субъективная культура* (что люди думают) отражается в *объективной культуре* (что люди делают). Более того, модель Минкова-Хофстеде может применяться для объяснения не только межстрановых, но и внутристрановых культурных различий (например, между штатами США или регионами России).

Ключевые слова: сравнительные исследования культуры, национальная культура, Герт Хофстеде, модель Минкова-Хофстеде, индивидуализм — коллективизм, монументализм — гибкость.

* Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

В 1980 году голландский социолог Герт Хофстеде опубликовал книгу (Hofstede, 1980), которая произвела революцию в сфере сравнительных исследований культуры. До выхода «*Последствий культуры*» в арсенале социальных наук практически не имелось надежных количественных инструментов для сравнения современных обществ и объяснения очевидных культурных различий между ними. Большинство работ в этой области, использовавших опросные данные, ограничивалось сопоставлением установок и ценностей жителей лишь небольшого числа стран (чаще всего — двух), например, американцев и японцев или китайцев. Крайне узкий пространственный фокус таких изысканий и отсутствие подлежащей унифицирующей концептуальной рамки не позволяли делать широкие обобщения и препятствовали развитию «больших» теорий, способных предложить систематический (т. е. исходящий из глобальной, надрегиональной перспективы) подход к фиксации и описанию межстрановых различий в преобладающих ценностях, установках и поведенческих паттернах, а также увязать эти различия с историческими, социально-политическими, экономическими и географическими факторами макроуровня.

Публикация Хофстеде кардинально изменила положение дел в дисциплине. В конце 1960-х годов он работал в IBM, где у него был доступ к данным внутреннего исследования дочерних предприятий корпорации в почти четырех десятках стран. Впоследствии добавились данные и по другим государствам, хотя в некоторых из них размер национальной выборки был настолько мал, что их пришлось объединять с соседними странами. В конечном итоге у Хофстеде оказались материалы свыше 110 000 респондентов из более чем 50 культурных единиц². Согласно самому ученому, сначала он пытался обнаружить культурные паттерны, характеризующие взгляды индивидов, но ему не удалось найти ничего осмысленного на этом уровне. Тогда специалист по анализу данных, с которым Хофстеде сотрудничал на тот момент, предложил ему агрегировать результаты опросов и рассчитать средние значения для каждого целевого индикатора и каждой страны. После этого он оставил индивидуальный уровень и начал работать только со страновыми показателями.

Результаты этого анализа сделали Хофстеде самым знаменитым и уважаемым ученым в сфере кросс-культурных исследований. Майкл Бонд, один из наиболее известных специалистов в этой области, однажды заметил, что его коллеги на протяжении долгого времени были буквально «заморожены» интеллектуальным достижением Хофстеде (Bond, 2002: 73). Марк Петерсон, помощник редактора *Journal of International Business Studies* — ведущего научного издания, посвященного изучению международного бизнеса, — утверждает, что «<...> кросс-культурные исследования, возможно, существовали как отдельная научная дисциплина и до выхода первого издания «*Последствий культуры*», но эта работа однозначно определила

2. То есть стран или групп соседних стран, объединенных по причине малого размера национальных выборок, и территориальных образований.

ключевые темы, структуру и противоречия дисциплины на следующие двадцать с лишним лет» (Peterson, 2003: 128).

Идеи Хофстеде повлияли не только на академическое сообщество. В составленном *Wall Street Journal* в 2008 году списке самых выдающихся бизнес-мыслителей XX века он оказался на 16-м месте, выше Джека Уэлча и Тома Питерса (White, 2008). Сам Хофстеде публично заявлял, что к 2010 году было продано около полумиллиона экземпляров его книги «*Культуры и организации: ментальное программное обеспечение*» (Hofstede, 1991). К настоящему моменту это число, вероятно, удвоилось, так как указанная работа была переведена на 25 языков и новые ее издания продолжают появляться по всему миру. К началу марта 2023 года общее число цитирований Хофстеде в Google Scholar перевалило за 230 000 — это почти в два раза больше, чем у других наиболее заметных исследователей в сфере сравнительного изучения культур.

Чем Хофстеде обязан своей популярности? Его основной заслугой считается «распаковка культуры» (*unpackaging of culture*) (Kurman, Dan, 2007; Singelis et al., 1999). До Хофстеде культура понималась как единый цельный объект, не поддающийся осмысленному анализу. Он же предложил разбить этот объект на отдельные составные части — измерения культуры (*dimensions of culture*). С точки зрения важности для кросс-культурной психологии эта идея оказалось сравнимой с такими научными достижениями, как обнаружение того, что атомы не являются неделимыми, а состоят из элементарных частиц; что свет не монохромен, а раскладывается на несколько цветов; что информацию можно кодировать и передавать с помощью последовательностей нулей и единиц. Разумеется, великие открытия никогда не оказываются результатом деятельности исключительно одного человека, и Хофстеде опирался на работы других авторов, пытавшихся до него выделить отдельные компоненты культуры. Однако эти более ранние исследования не смогли выявить какие-либо интересные или убедительные паттерны. Хотя Хофстеде и не является автором подхода к изучению культуры как набора частных измерений, его вклад в развитие и популяризацию этого подхода настолько велик, что сегодня имя Хофстеде прочно ассоциируется с ним³.

На русском языке описание оригинальной теории Хофстеде и некоторых ее последующих редакций можно найти в ряде публикаций (Латова, Латов, 2001; Латова, 2016, 2017; Данилова, Тарарухина, 2003; Безуглова, 2008; Науменко, Морозова, 2018; Хофстеде, 2014), хотя нельзя не отметить, что его идеи в меньшей степени знакомы отечественному читателю по сравнению с творчеством других ученых, внесших значительный вклад в сравнительные исследования культуры. В первую очередь здесь следует вспомнить Рональда Инглхарта и Кристиана Вельцеля (Инглхарт, Вельцель, 2011; Вельцель, 2018; Инглхарт, 2018), а также Шалом Шварца (напр.: Шварц, 2008; Магун, Руднев, 2008, 2010; Зинькина и др., 2018). Характер-

3. Похожим образом Чарльз Дарвин, не бывший ни первым, ни единственным ученым, выдвигавшим идею эволюции видов, оказался человеком, который смог сформулировать ее наиболее убедительным образом.

но, что ни одна книга Хофстеде до сих пор не переведена на русский (в отличие от многих других языков мира). Кроме того, важные новые результаты, полученные за последние два десятилетия, и основанные на них модификации исходных построений Хофстеде в упомянутых выше текстах практически не отражены.

Данная работа призвана восполнить указанный пробел. Основная ее цель — представить подробный обзор развития модели Хофстеде от ее исходного варианта, изложенного в «*Последствиях культуры*», до последней на данный момент версии, опирающейся на исследования Михаила Минкова, многолетнего соавтора знаменитого голландского социолога. Заявленная цель достигается через реализацию следующих задач: (1) представление оригинальной теории Хофстеде и ее основных слабых мест; (2) детальное изложение двухмерной модели межкультурных различий Минкова-Хофстеде, основанной на результатах большого сравнительного исследования компаний *MediaCom* и *Hofstede Insights*; и (3) обсуждение взаимосвязей между культурными измерениями Минкова-Хофстеде и объективными поведенческими, историко-географическими и экономическими различиями между современными обществами.

Основные положения модели Хофстеде и ее критика

Измерения культуры могут быть представлены как геометрические или географические оси: Север-Юг и Восток-Запад. Зная координаты конкретной страны по этим измерениям, можно поместить ее на карту и сравнить ее позицию с позициями других стран. Каждое измерение представляет собой группу взаимосвязанных характеристик. Изначально Хофстеде (1980) предложил четыре измерения.

1. *Индивидуализм — коллективизм (Individualism — Collectivism)*. Это измерение отражает, насколько люди в стране обособлены от или, наоборот, привязаны к своему ближайшему окружению, то есть семье и друзьям — или племени/клану, если такие группы существуют в данном обществе.
2. *Дистанция власти (Power Distance)*. Это измерение показывает, насколько обществом поддерживаются социальные иерархии, в которых представители социальных верхов обладают гораздо большей властью, чем обычные люди.
3. *Избегание неопределенности (Uncertainty Avoidance)*. Это измерение фиксирует, насколько характерными являются для данного общества тревога и страх перед неизвестным будущим и насколько сильно его члены стремятся сделать это будущее более предсказуемым через установление строгих правил и законов.
4. *Маскулинность — феминность⁴ (Masculinity — Femininity)*. Это измерение характеризует соотношение между «мужскими» (соревновательность

4. На русский язык также иногда переводится как «мужественность — женственность» (Безуглова, 2008; Науменко, Морозова, 2018).

и достижение успеха) и «женскими» (хорошие отношения с окружающими) ценностями.

Впоследствии Хофстеде, основываясь на работах канадского психолога Майкла Бонда (*The Chinese Culture Connection*, 1987), добавил пятое измерение, первоначально получившее название «конфуцианский [рабочий] динамизм» (*Confucian Work Dynamism*). Однако позже, полагая этот термин слишком непонятным, Хофстеде предложил альтернативный вариант — «долгосрочная ориентация» (*Long-Term Orientation*). Данное измерение отражает противопоставление приоритета инвестиций в будущее посредством накоплений и вложений в получение современного образования и повышенного внимания к настоящему и прошлому, проявляющегося в акцентировании важности традиций и противлении личностным и социальным переменам.

Наконец, уже в 2000-х годах Хофстеде дополнил свою модель шестым измерением, предложенным его соавтором Михаилом Минковым под обозначением «снисходительность — ограничение» (*Indulgence — Restraint*). «Снисходительные» общества позволяют своим членам жить так, как они хотят и считают нужным, в особенности в сфере досуга. В то же время в «ограничивающих» культурах индивидуальная свобода подавляется, в результате чего их представители чувствуют себя менее счастливыми.

Несмотря на в целом восторженное принятие работ Хофстеде в академическом мире, а также в сообществе международных бизнес-консультантов и управляющих транснациональных компаний, у его концепции появились и оппоненты, наиболее известными из которых стали Брендан Макссуини (McSweeney, 2002) и Рейчел Баскервиль (Baskerville, 2003). К сожалению, эти авторы, как и другие скептики, в своей критике не опирались на эмпирические свидетельства. Тем не менее Макссуини первым озвучил важный вопрос: насколько оправданным является тезис Хофстеде о том, что сравнение персонала национальных подразделений международных компаний тождественно сравнению всех жителей этих стран? Другими словами, если в ценностях и убеждениях японских и российских сотрудников *Coca-Cola* наблюдаются определенные различия, можно ли утверждать, что такие же различия будут обнаружены при сравнении репрезентативных выборок населения этих двух стран? Теория Хофстеде основывалась на рискованном предположении о том, что ответ на указанный вопрос является утвердительным. Макссуини же отстаивал противоположную точку зрения. Академическое сообщество в целом заняло сторону Хофстеде и, как стало очевидным к настоящему времени, «поставило не на ту лошадь».

Измерения Хофстеде десятилетиями использовались в академических исследованиях и прикладной аналитике в самых разнообразных сферах: социология, политология, психология, экономика, информатика, эпидемиология, финансы, образование, туризм, маркетинг, государственное управление, бухгалтерское дело, потребительское поведение и даже совсем, казалось бы, неожиданные области вроде менеджмента в сфере строительства, виноделия и пивоварения. Пора-

зительно, но при этом долгое время никто не пытался повторить его исследование и проверить, насколько воспроизводимыми окажутся исходные результаты. Единственная подобная работа, опубликованная в рецензируемом журнале (Merritt, 2000), вышла только в 2000 году и основывалась на небольшой выборке стран и данных по крайне нерепрезентативному срезу населения — пилотам авиакомпаний. Она подтвердила наличие измерения индивидуализм — коллективизм, но эмпирических свидетельств в пользу существования измерений избегания неопределенности и маскулинности — феминности обнаружить не удалось, а для *дистанции власти* они были противоречивыми. Хотя эта статья была опубликована в «Журнале кросс-культурной психологии» (*Journal of Cross-Cultural Psychology*), ведущем научном издании по сравнительным социальным исследованиям, она никак не повлияла на практическую популярность измерений Хофстеде, включая наиболее проблематичные из них. Тем не менее в 2012 году другие авторы (Taras, Steel, Kirkman, 2012) подтвердили выводы Эшли Мерритт: им также не удалось воспроизвести измерения *избегания неопределенности и маскулинности — феминности*. Относительно *дистанции власти* в академическом сообществе постепенно складывался консенсус, что это измерение не является независимым, а представляет собой лишь специфический компонент индивидуализма (Gelfand et al., 2004; Minkov et al., 2017; van de Vliert, 2020).

Тем временем в литературе начали появляться альтернативные модели культуры (House et al., 2004; Inglehart, Baker, 2000; Schwartz, 1994; Шварц, 2008), впрочем, тоже основанные на методологическом подходе Хофстеде. Это заставляло предположить, что подход, в котором страны использовались в качестве основной единицы анализа, являлся вполне адекватным — но не его практическое применение самим Хофстеде, равно как и сделанные последним содержательные выводы: ни одному исследователю так и не удалось убедительно продемонстрировать реальность измерений избегания неопределенности и маскулинности — феминности.

Исследование *MediaCom* и *Hofstede Insights*

В 2015 году международная медиакорпорация *MediaCom* проспонсировала масштабный проект по сбору данных в более чем пятидесяти странах мира, инициированный *Hofstede Insights* — голландско-финской консалтинговой компанией, специализирующейся в сфере кросс-культурного менеджмента и опирающейся в своей деятельности на модель культурных измерений Хофстеде. Основной целью этого проекта была проверка указанной модели на новом материале. Ключевую роль в реализации проекта сыграл Михаил Минков, болгарский лингвист и социальный психолог, многолетний соавтор Хофстеде. В частности, Минков отвечал за формирование вопросника, подбор стран-участников, определение параметров национальных выборок и анализ данных. Сами опросы в подавляющем большинстве стран (50 из 56) проводились исследовательской компанией *Lightspeed* (одним

из подразделений *Kantar*) на основе национальных репрезентативных потребительских панелей. В шести странах сбором данных занимались местные подрядчики. Итоговый размер объединенной выборки составил почти 53 000 человек; использованная анкета включала 108 содержательных вопросов по таким темам, как (а) ценности, установки и личностные черты (операционализованные согласно известной модели «Большая пятерка»: McCrae, Costa, 2008); (б) потребительские предпочтения и мотивы принятия решения о покупке тех или иных товаров и услуг; а также (в) стандартный социально-демографический блок. С точки зрения проверки модели Хофстеде наибольший интерес представляли следующие три группы вопросов:

1. Вопросы о том, как родители воспитывают своих детей и какие ценности пытаются им привить. Например, поощряют ли щедрость или, напротив, настаивают на том, что важно уметь бережно обращаться с деньгами? Учат ли скрывать негативные эмоции или выражать их открыто? Стыдятся и ругают за неудачи либо советуют не принимать их близко к сердцу? (точные формулировки и результаты анализа данных соответствующего блока приводятся в работе: Minkov, Dutt et al., 2018).
2. Вопросы о том, как люди распорядились бы деньгами, если бы были богатыми: например, откладывали в виде сбережений, инвестировали в бизнес или просто тратили большую часть? И если бы тратили, на что именно? (см. детали в: Minkov et al., 2019).
3. Вопросы о личных характеристиках респондентов. Например, нравится ли им помогать другим; насколько они религиозны; предпочитают избегать конфликтов или готовы отстаивать свои права; хотят ли обладать властью и быть известными; и т. д. (см. детали в: Minkov et al., 2017; Minkov, Dutt et al., 2018).

Большая часть вопросов, вошедших в анкету, изначально была разработана для фиксирования оригинальных культурных измерений Хофстеде. Впрочем, некоторые были заимствованы из работ Шломо Шварца (2008; см. также: Schwartz, 2006) и других авторов, чтобы попытаться отразить как можно больше межстрановых отличий по разнообразным культурным переменным.

Проблемные измерения

Исследование *MediaCom* и *Hofstede Insights* отчетливо показало, что выделение избегания неопределенности в отдельное измерение культуры является необоснованным. Как утверждает Минков (Minkov, 2018), такой результат обусловлен не плохим качеством данных или культурными изменениями, произошедшими за полвека с момента первых публикаций Хофстеде по теме. Если бы дело заключалось только в качестве данных, то выявленные в ходе анализа паттерны были бы бессмысленными и лишенными какой-либо теоретической логики. Однако обнаруженные на данных *MediaCom* измерения вполне поддавались интерпретации —

просто эта интерпретация не совпадала с предсказаниями шестимерной модели Хофстеде.

Ссылки на глобальные культурные изменения, случившиеся между началом 1970-х и серединой 2010-х годов, также вряд ли способны объяснить исчезновение измерения избегания неопределенности. Согласно Хофстеде, в обществах с высоким средним уровнем тревожности (или невротизма — в терминах теории «Большой пятерки») существует массовый запрос на снижение интенсивности этой негативной эмоции, чему может способствовать внедрение строгих правил и норм, регулирующих индивидуальное поведение в различных сферах. Более того, зачастую такой запрос на личностном уровне ориентирован на ограничение свободы других членов социума, а не самого конкретного индивида; перефразируя Сартра, эту интенцию можно выразить как «зло — это другие [...а не я]».

Однако анализ результатов исследования *MediaCom* показывает, что, судя по всему, тревога, вызываемая неопределенностью, и запрос на строгие правила и контроль не связаны между собой на страновом уровне. При этом полученные в ходе национальных опросов оценки среднего уровня тревоги очень тесно коррелировали с результатами, обнаруженными ранее другими авторами с использованием значительного числа альтернативных метрик, так что валидность соответствующего инструмента не вызывает сомнений.

Результаты касательно распространности потребности в социальном контроле также поддаются вполне осмысленной интерпретации: в богатых индивидуалистических обществах, особенно на севере и западе Европы, этот показатель находится на низком уровне. Максимальных значений он достигает в различных развивающихся странах, в первую очередь — в Африке и Южной Азии, где преобладают ценности коллективизма. При этом одной из главных отличительных черт индивидуализма оказывается представление о том, что люди в целом являются благонамеренными моральными агентами и поэтому не склонны злоупотреблять своей свободой. Для коллективистских обществ характерно противоположное убеждение: люди по природе своей корыстны и эгоистичны, так что единственными результатами отсутствия строгих поведенческих ограничений могут быть только полный социальный коллапс и хаос в духе гоббсовской *bellum omnium contra omnes*.

Подобный взгляд явно возник раньше 1970 года: практически все известные традиционные общества — как современные, так и исторические — жестко контролировали своих членов в плане их сексуального поведения, потребления пищи и алкоголя, манеры одеваться и многих других повседневных практик. Очевидно, что в большинстве этих обществ запрос на регулирующие нормы не имел и не имеет ничего общего со средним уровнем тревожности. Таким образом, избегание неопределенности в версии Хофстеде состоит из двух на самом деле не связанных между собой элементов: межстрановые различия в уровнях тревожности и потребности в строгих правилах нельзя объяснить одними и теми же причинами.

Другим культурным измерением, которое не удалось воспроизвести на данных *MediaCom*, оказалось маскулинность — феминность. Ни один из использованных в анализе методов снижения размерности не показал ничего, что можно было бы интерпретировать в терминах, использованных Хофстеде для описания этого измерения. Как и в случае с избеганием неопределенности, вряд ли причиной этого является недостаточное качество данных: на основании соответствующих вопросов анкеты удалось получить логичные и легко объяснимые географические паттерны, которые к тому же согласовывались с результатами других авторов, использовавших иные теоретические традиции (Schwartz, 1994; Шварц, 2008), — но не с теорией самого Хофстеде.

Один из основных аргументов в защиту оригинальной модели Хофстеде, выдвинутый в ответ на эти результаты, заключался в том, что культурные измерения следовало фиксировать с помощью вопросов о согласии не с утверждениями, описывающими общие характеристики, мнения и установки респондентов (например, «Я обычно много нервничаю»), как в исследовании *MediaCom*, а с похожими утверждениями, но касающимися трудовой деятельности («Я испытываю стресс во время работы»), как это делал сам Хофстеде. Однако анализ межстрановых опросов Международной программы социальных исследований (*International Social Survey Programme — ISSP*) и Всемирного исследования ценностей (*World Values Survey — WVS*), некоторые из которых включали индикаторы, отражающие самочувствие респондентов на рабочем месте и близкие к тем, что использовал Хофстеде, также не позволил воспроизвести исходную шестимерную модель культуры (Minkov, Kaasa, 2021a; Minkov, 2018).

Обновленная модель культуры Минкова-Хофстеде

Неудачные попытки воспроизвести два упомянутых измерения модели культуры Хофстеде не означают, что сама эта модель — не говоря уже о методологии, использованной для ее построения, — является бесполезной или некорректной. Напротив, как показывают результаты анализа, представленные в работе Минкова (2018), обновленный ее вариант, в котором убраны проблемные элементы, а оставшиеся сгруппированы вокруг двух ключевых осей, обозначаемых как *индивидуализм — коллективизм* и *монументализм (постоянство) — гибкость (изменчивость)* (*Monumentalism — Flexibility*), позволяет в той или иной степени объяснить практически все основные культурные различия между современными государствами и даже между внутристрановыми регионами в некоторых обществах с высоким уровнем культурного разнообразия (например, США или Россия).

Более того, все валидные (то есть воспроизведенные в многочисленных исследованиях и коррелирующие с объективными экономическими, социальными, политическими и географическими межстрановыми различиями) измерения основных моделей культуры, альтернативных предложенному Минковым

варианту теории Хофстеде, сводятся к той же подлежащей двумерной структуре — разве что ориентация осей в пространстве у разных авторов отличается (Fog, 2021; Fog, 2023; Kaasa, Minkov, 2022). Примечательно, что оси всех этих моделей тесно связаны, по крайней мере статистически, с измерениями, на основе которых построена знаменитая культурная карта мира Инглхарта-Вельцеля (Inglehart, Welzel, 2005; Инглхарт, Вельцель, 2011; World Values Survey Association, 2023). Модель Минкова-Хофстеде представляет собой инвертированный вариант последней, слегка сдвинутый по часовой стрелке. Ее вертикальная ось (индивидуализм — коллективизм) примерно соответствует диагонали карты Инглхарта-Вельцеля. В свою очередь, горизонтальная ось Минкова-Хофстеде (монументализм — гибкость) — это повернутое на девяносто градусов вправо измерение традиционные — светские ценности; в обоих случаях в качестве полюсов выступают латиноамериканские (преимущественно традиционалистские и монументальные) и восточноазиатские (преимущественно секулярные и гибкие) общества⁵.

При этом сам Инглхарт никогда не полемизировал и не взаимодействовал с Хофстеде, а тематика и методология его исследований вдохновлялась совершенно иными вопросами и теориями. Если, начав в разных точках и независимо друг от друга, эти ученые пришли к крайне похожим результатам, то с большой долей вероятности открытая ими структура является корректным описанием ключевых культурных сходств и различий современных обществ.

На рисунке 1 показана схематическая версия культурной карты мира Минкова-Хофстеде, основанная на двух недавних публикациях, в которых анализировались самоописания (*self-descriptions*; то есть собственные высказывания людей о том, насколько у них выражены те или иные личностные черты и поведенческие привычки) более чем 50 000 респондентов из 56 стран мира (Minkov, 2018: 252; Minkov, Kaasa, 2021b: 240, 257). Крайне похожие по своей структуре карты были получены и с использованием культурных индикаторов других типов (Minkov, Dutt et al., 2018: 239; Minkov et al., 2019: 105).

Эта карта сильно напоминает географическую карту мира. Бросаются в глаза только два заметных отличия: (1) на культурной карте Минкова-Хофстеде отсутствуют океаны и (2) англоговорящие страны не разбросаны по различным регионам земного шара, как это имеет место в действительности, а образуют единую группу в рамках европейского макрокластера. Последнее вполне естественно, так как жителям большинства бывших англоязычных переселенческих колоний (США, Канада, Новая Зеландия, Австралия) в целом удалось сохранить культурное наследие метрополии.

5. Более раннее обозначение этого типа ценностей — секулярно-рациональные (*secular-rational*).

Рис. 1. Культурная карта мира Минкова-Хофстеде

Рисунок 2 суммирует элементы двух основных осей карты Минкова-Хофстеде. Прямоугольники, закрашенные одним и тем же цветом, обозначают противоположные полюса отдельных составляющих этих измерений. Например, коллективистские культуры характеризуются высоким уровнем nepoтизма (прямоугольник коричневого цвета снизу справа на вертикальной оси), то есть кумовства или — в более общем смысле — нормальности дискриминации в различных сферах представителей групп, внешних по отношению к группе индивида — семье, роду/клану, этносу или территориальному сообществу. Члены индивидуалистических сообществ, напротив, полагают, что все люди пользуются равными правами и поэтому дискриминация по каким-либо признакам групповой принадлежности при распределении общественных благ и во всех прочих областях недопустима.

Две нижеследующие таблицы более подробно раскрывают смысл терминов, представленных на рисунке 2: таблица 1 объясняет частные компоненты измерения индивидуализм — коллективизм, а таблица 2 — измерения монументализм — гибкость.

Следует отметить, что в литературе описан ряд культурных измерений, которые получены на других данных и/или основываются на иных теоретических предпосылках, но при этом содержательно и статистически тесно связаны с индивидуализмом — коллективизмом, вертикальной осью карты Минкова-Хофстеде. Наиболее известные из таких измерений — это укорененность/принадлежность — автономия Шалом Шварца (*embeddedness versus autonomy*: Schwartz, 1994, 2006, 2014; Шварц, 2008) и эмансипативные ценности Кристиана Вельцеля (*emancipative values*: Welzel, 2013; Вельцель, 2018), представляющие собой усовершенствованный

вариант концепции ценностей самовыражения Рональда Инглхарта (Inglehart, Baker, 2000; Inglehart, Welzel, 2005; Инглхарт, Вельцель, 2011)⁶.

Рис. 2. Основные элементы измерений индивидуализм — коллективизм и гибкость — монументализм

Таблица 1. Главные отличительные черты коллективизма и индивидуализма

Коллективизм (Африка, Арабский мир, Южная Азия, тропическая часть Южной Америки)	Индивидуализм (северо-запад Европы, англоговорящие страны)
<i>Конформизм (conformism)</i> : нормой считается следование традициям, принятым в обществе, подчинение людям, имеющим более высокий статус, и избегание конфликтов с ними. Индивид не должен отличаться от других членов группы.	<i>Автономия (autonomy)</i> : люди пользуются определенной свободой и могут сами решать, имеет ли смысл следовать конкретной общественной норме или нет. Индивид может отличаться от других членов группы (например, гомосексуальность полагается допустимой), если это не несет никому вреда. При необходимости индивиды готовы бороться за свои права, даже если это подразумевает конфликт с представителями власти.

6. Все три сильно коррелируют между собой и могут рассматриваться как варианты некоторого фундаментального культурного измерения, отражающего межстрановую вариацию в уровне социально-экономического развития (Kaasa, Minkov, 2022; Fog, 2021, 2023). Эмпирические и теоретические сходства и различия моделей национальной культуры Минкова-Хофстеде, Инглхарта-Вельцеля, Шварца и других авторов детально разбираются в ряде недавних англо- и русскоязычных публикаций (Dobewall, Rudnev, 2014; Maleki, de Jong, 2014; Beugelsdijk, Welzel, 2018; Fog, 2021, Fog, 2023; Kaasa, 2021; Kaasa, Minkov, 2022; Kaasa, Welzel, 2023; Зинькина и др., 2018). Поэтому в данной работе, имеющей своей целью обзор исторического развития и современного состояния концепции Минкова-Хофстеде, а не ее сравнение с другими популярными теориями в кросс-культурных исследованиях, этот вопрос подробно не обсуждается.

<p><i>Потребность в статусе (need for status) или высоком социальном положении (social ascendancy):</i> так как богатые, известные и занимающие высокое общественное положение властью люди зачастую находятся над законом и имеют возможность делать то, что не позволено менее привилегированному большинству, материальный достаток, слава и власть являются значимыми ценностями.</p>	<p><i>Пренебрежение статусом (status insignificant):</i> социальный статус не дает особых привилегий, так как в условиях верховенства закона права каждого члена общества защищены. Поэтому достижение высокого статуса не является столь важной жизненной целью.</p>
<p><i>Непотизм/исключение «чужаков» (nepotism/exclusionism):</i> люди склонны предоставлять приоритет/привилегии друзьям, родственникам или землякам (а также мужчинам, а не женщинам) в различных социальных, экономических и политических взаимодействиях.</p>	<p><i>Универсальные права:</i> практика воспринимать и оценивать людей в первую очередь через их принадлежность к той или иной социальной группе проявляется слабо или вообще отсутствует. Все пользуются более или менее равными правами и возможностями.</p>

Основным фактором, порождающим корреляцию между конформизмом, потребностью в статусе и непотизмом, является бедность. Когда общество испытывает дефицит экономических (в широком смысле слова) ресурсов, последние зачастую присваиваются элитными группами, обеспечивая подчинение и лояльность остального населения, предлагая в обмен защиту от разнообразных физических угроз. Подобные социумы можно сравнить с семьей, где родители принимают все решения, а дети послушно следуют этим решениям (отсюда происходит конформизм), однако взамен рассчитывают на заботу и поддержку. Между тем уровень помощи со стороны элит зачастую является недостаточным; при этом представители социальной верхушки могут пользоваться благами, недоступными простым людям, что способствует распространению представлений о важности достижения высокого общественного статуса, проявляющегося прежде всего в таких аспектах, как богатство, власть и известность. Наконец, в условиях, когда материальных ресурсов недостаточно, чтобы в приемлемой степени удовлетворить потребности всех, «свои» (родственники, друзья, земляки, представители той же этнической группы или конфессии) пользуются преимуществами при распределении благ, подконтрольных конкретному индивиду или группе (непотизм). По мере роста общественного благосостояния такие практики становятся менее распространенными: растет уровень индивидуальной автономии в плане принятия решений; достижение высокого статуса уже не является важнейшей жизненной целью для многих; восприятие людей как в первую очередь представителей той или иной группы, а не самостоятельных независимых личностей, начинает рассматриваться как анахронизм и даже подвергается моральному осуждению (здесь можно вспомнить многочисленные недавние публичные скандалы и попытки «отменить» известных фигур за проявление различных «-измов» и «-фобий»).

Горизонтальная ось карты, представленной на рисунке 1, исторически восходит к измерению, впервые выявленному коллективом исследователей, известным как

The Chinese Culture Connection (1987). Впоследствии это измерение удалось воспроизвести на материалах Всемирного исследования ценностей (Minkov, Hofstede, 2012) и упомянутого выше проекта *MediaCom* (Minkov, Bond et al., 2018). Ранее оно было известно под названиями «конфуцианский [рабочий] динамизм» (*Confucian [Work] Dynamism*), «долгосрочная ориентация» (*Long-Term Orientation*) или попросту «пятое измерение Хофстеде» (как уже было упомянуто выше, в модели Инглхарта-Вельцеля этому измерению примерно соответствует ось традиционные — светские ценности⁷), однако позже Минков, Бонд и соавторы предложили обозначение «монументализм — гибкость» (*Monumentalism versus Flexibility*). Термин «гибкость» в этом варианте отсылает к адаптивности жителей восточноазиатских обществ, их способности подстраиваться под часто меняющиеся жизненные условия, постоянно развиваться и меняться самим. В свою очередь, «монументализм» — это метафора неизменной, стабильной личности, удовлетворенной и гордой собой и не склонной прогибаться под обстоятельства, отсылающая к величественности и долговечности памятников, а также их физической однородности (и внутри, и снаружи монументы, как правило, сделаны из одного и того же материала).

Таблица 2. Главные отличительные черты монументализма и гибкости

Монументализм (Латинская Америка, Африка, Арабский мир)	Гибкость (Восточная Азия)
<i>Высокая самооценка (high self-esteem):</i> индивидам свойственно позитивное восприятие себя; они зачастую убеждены в том, что им, в общем-то, нечего улучшать и развивать в себе.	<i>Низкая самооценка (low self-esteem):</i> в «гибких» обществах распространено представление о том, что человек по природе своей несовершенен. Тем не менее любой имеет возможность стать лучше, чем он есть, в основном за счет образования и усердной работы.
<i>Неизменная/стабильная личность (invariant self):</i> людям в таких культурах присущи глубоко укорененные и неизменные ценности, направляющие их поведение. Предполагается, что каждый должен оставаться собой в любых условиях и не пытаться адаптироваться под изменяющиеся обстоятельства.	<i>Изменчивая личность (variable self):</i> конкретные поступки человека обуславливаются не столько его фундаментальными ценностями, сколько сложившимися внешними условиями. Одобряется практика подражания тем, кто преуспевает в той или иной сфере деятельности (учеба, спорт, работа и т. д.).

7. Хотя эти измерения вдохновляются разными теоретическими традициями и основываются на различных операционализациях и источниках данных, все же и ось монументализм — гибкость, и ось традиционные — светские ценности так или иначе отражают то, насколько распространенным в конкретных обществах является представление о важности сохранения существующего порядка вещей. Вероятно, именно этим объясняется высокая корреляция между ними (Kaasa, Minkov, 2022; Fog, 2021, 2023). В модели национальной культуры Шварца (Schwartz, 1994, 2006, 2014; Шварц, 2008) монументализму концептуально близки полюса гармонии (*harmony*) и равноправия/эгалитарности (*egalitarianism*), а гибкости — полюса власти/мастерства (*mastery*) и иерархии (*hierarchy*). Однако эмпирически эти измерения Шварца гораздо сильнее связаны с индивидуализмом — коллективизмом (Kaasa, Minkov, 2022: 143).

<p><i>Взаимопомощь (mutual help)</i>: нормально и даже желательно помогать другим членам сообщества и делиться с ними доступными ресурсами.</p>	<p><i>Склонность полагаться на себя (self-reliance)</i>: считается, что каждый должен быть способен позаботиться о себе сам, не ожидая помощи от других.</p>
---	--

Монументалистские ориентации преобладают в обществах, которые в прошлом, до эпохи Великих географических открытий, характеризовались простотой экономического и политического уклада. На большей части территорий, занимаемых сегодня этими странами, государственные образования до прихода колонизаторов отсутствовали как таковые либо значительная часть населения де-факто жила вне контроля государственных институтов (как, например, бедуинские племена в Северной Африке и на Ближнем Востоке при Халифатах и затем Османской империи), а преобладающими типами хозяйственной деятельности были кочевое скотоводство или переложное земледелие. В подобных условиях личностное развитие, в частности получение знаний, выходящих за пределы повседневного опыта, не дает особых преимуществ. Кроме того, выжить в одиночку в такой среде невозможно, в силу чего ключевое значение приобретает включенность в сети взаимной поддержки, участники которых обмениваются ресурсами и оказывают друг другу разнообразные услуги. Члены сообщества, которым удастся достичь центрального положения в этих сетях, пользуются всеобщим уважением и авторитетом, что стимулирует их самооценку.

В тех же социумах, где государственные институты появились рано, а экономика исторически основывалась на комплексных видах хозяйственной деятельности, таких как выращивание риса, культурная эволюция шла в другом направлении. Рисоводство — это самый трудоемкий тип традиционной экономики, требующий от вовлеченных в него индивидов строгого самоконтроля и подавления естественных человеческих потребностей в досуге и развлечениях, а также способности работать в тесной связке с другими людьми и проявлять гибкость и умение подстраиваться, чтобы избежать конфликтов и поддерживать гармоничную атмосферу в группе. При этом наличие развитых бюрократических структур, необходимых для эффективной организации хозяйственных процессов в сложной экономике, предлагает доступные каналы восходящей вертикальной мобильности для тех, кто способен к обучению и освоению новых навыков.

Две ключевых оси культурной карты Минкова-Хофстеде основываются на преобладающих типах самоописаний в различных современных обществах. Однако они также прослеживаются и в том, какие ценности и качества родители в разных странах считают важным воспитывать в своих детях (Minkov, Dutt et al., 2018). Рисунок 3 показывает⁸, что в коллективистских социумах детей учат следовать традиционным нормам (интересно, что это не всегда распространяется на нормы, появившиеся недавно и/или пришедшие извне, например, правила дорожного

8. Как и на рисунке 2, прямоугольники одинаковых цветов обозначают содержательно противоположные друг другу родительские предпочтения.

движения), быть скромными и стараться избегать конфликтов, а также помнить о том, что будущее таит в себе значительную неопределенность, и, следовательно, надо быть бережливым, уметь откладывать на потом. В обществах, находящихся на индивидуалистическом полюсе этой оси, дети обычно получают от родителей советы противоположного толка.

В свою очередь, в культурах, ценящих гибкость, подрастающим поколениям прививаются самоконтроль и своеобразная «двойственность» (*duality*), способность скрывать свои негативные эмоции и подавлять естественные желания. Другими важными качествами, с точки зрения родителей, в таких обществах являются готовность постоянно меняться и развиваться за счет попыток перенять опыт и поведенческие практики людей, достигнувших успеха в тех или иных сферах, а также адаптивность, под которой прежде всего подразумевается способность отказываться от своих обязательств и планов в том случае, когда они выглядят очевидно невыполнимыми. В то же время считается, что потерпеть неудачу в каком-либо предприятии постыдно и заслуживает порицания. В странах с преобладанием монументалистской культуры, наоборот, ценятся прямота, открытость и постоянство.

Некоторые родительские представления о качествах, которые они бы хотели видеть у своих детей, не могут быть однозначно отнесены к конкретной оси и поэтому помещены примерно на одинаковом расстоянии от соответствующих полюсов. Например, и в коллективистских, и в монументалистских социумах родители часто считают важным бескорыстно помогать другим⁹, уметь делиться деньгами, быть великодушным, а также относиться ко всем одинаково. Впрочем, последний сюжет отражает скорее ценность постоянства личности (то есть умения поступать одинаковым образом в различных, но структурно схожих ситуациях, в том числе при взаимодействии с разными людьми), нежели неприятие nepotизма и кумовства (которые как раз свойственны обществам с преобладанием коллективистских взглядов).

Кроме того, материалы исследования *MediaCom* показывают, что ключевые ценности, характеризующие два фундаментальных измерения культуры, проявляются и в финансовых приоритетах людей (Minkov, Dutt et al., 2019). Рисунок 4 показывает, на что люди из разных обществ тратили бы деньги, если были неограниченно богатыми; размер прямоугольников, соответствующих конкретным вариантам трат, приблизительно показывает относительную важность этих вариантов для социумов, находящихся на различных концах осей индивидуализма — коллективизма и монументализма — гибкости.

9. Впрочем, и в монументалистских обществах оказание любой услуги обычно подразумевает ответную любезность в какой-то момент в будущем — сродни тому, как это описано в обширной литературе об экономике дара.

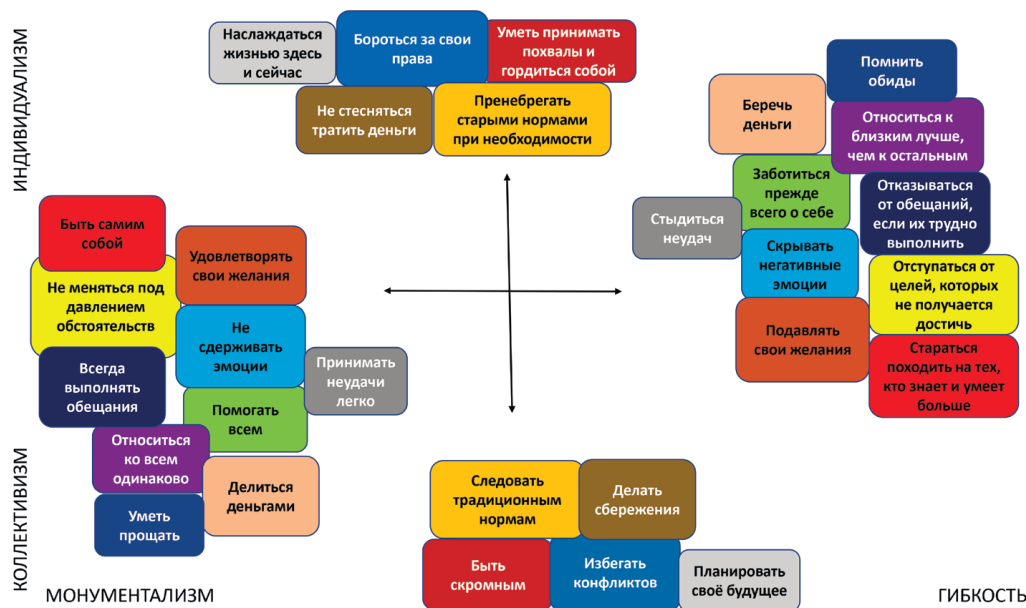

Рис. 3. Представления родителей о качествах, которые надо воспитывать в детях, ассоциирующиеся с межстрановыми культурными различиями

Так, жители стран, в которых распространены индивидуалистические установки, предпочли бы расходовать излишки своего бюджета на путешествия или на поддержку природоохранной деятельности, тогда как в коллективистских обществах намного чаще выбирают опцию пожертвований религиозным организациям. Там, где преобладают ценности гибкости, популярно демонстративное потребление (приобретение предметов роскоши; устройство эффектных, но затратных публичных мероприятий — например, свадеб), наглядно свидетельствующее окружающим о богатстве и влиятельности человека и тем самым повышающее традиционно низкую в таких обществах самооценку. Благотворительность в такой культурной среде относительно редка — так как нормой считается полагаться на самого себя и не ждать помощи от других. К инвестированию также относятся настороженно, потому что оно связано с попытками предугадать принципиально неопределенное будущее и, соответственно, рассматривается как чересчур рискованная деятельность. В монументалистских культурах люди, напротив, готовы тратить деньги на помощь другим и вкладываться в различные активы, но при этом не особо склонны к показной бравате материальным достатком и успешностью.

Взаимосвязь между субъективной и объективной культурой

Михаил Минков и Аннели Кааса (Minkov, Kaasa, 2021b) показали, что обновленная модель субъективной культуры Минкова-Хофстеде, основанная на самоописа-

ниях людей, живущих в различных странах, непосредственно соотносится с объективными социетальными различиями между современными государствами. Используя разнообразные индикаторы национального политического, социального и экономического развития, им удалось выявить два измерения объективной культуры, тесно коррелирующие с осями индивидуализма — коллективизма и монументализма — гибкости (рис. 5).

Рис. 4. Культурные различия в финансовых приоритетах

Рис. 5. Ключевые аспекты межстрановых различий в объективной культуре

Первое, складывающееся из таких показателей, как уровень гендерного равенства, верховенство закона, распространенность несчастных случаев на производстве и дорожно-транспортных происшествий, Минков и Кааса обозначили — заимствовав термин у Вельцеля (Welzel, 2013; Вельцель, 2018) — как «эмансипация/эмансипированность» (*Emancipation*). Это измерение можно рассматривать как объективный эквивалент индивидуализма — коллективизма, так как все эти поведенческие различия в общем и целом проистекают из различий в том, насколько важными жители конкретных стран считают индивидуальные права и потребности. В коллективистских обществах данный аспект является второстепенным, в силу чего в них распространены сексизм и коррупция, а законы и, шире, любые формальные правила зачастую не соблюдаются. Это в том числе способствует и росту числа инцидентов из-за нарушения техники безопасности (включая дорожные аварии) (см. также: Minkov, 2016).

Второе измерение объективной культуры, основными компонентами которого являются результаты стандартизованных математических тестов TIMSS¹⁰ и PISA¹¹, распространенность подростковых беременностей, родительского абсентеизма (доли детей, растущих без отца) и умышленных убийств, получило название «долгосрочная ориентация» — в честь одного из измерений Хофстеде (2001). Оно тесно связано с межстрановыми различиями по оси монументализм — гибкость, но его также можно интерпретировать в терминах теории жизненных стратегий (*life-history strategy theory*). Согласно одной из наиболее емких и точных формулировок данной теории,

«<...> “медленные” жизненные стратегии характеризуются установками, обращенными в будущее, относительно долгосрочным поведенческим фокусом, например, способностью откладывать удовольствие. Им <...> свойственна высокая степень вовлеченности родителей в процесс воспитания детей, число которых обычно является небольшим. “Быстрые” стратегии, наоборот, предполагают краткосрочную ориентацию и поощряют риск и агрессию, нацеленные на максимизацию выгод, которые можно получить здесь и сейчас, а также приоритизируют (количественный. — *Авт.*) репродуктивный успех» (Csathó, Birkás, 2018: 2).

В обществах, где продолжительность жизни невелика, а уровень неопределенности высок (например, в Тропической Африке), нормой являются быстрые жизненные стратегии. Детей заводят рано, зачастую даже в подростковом возрасте, — в противном случае число доживших до совершеннолетия может оказаться попросту недостаточным для поддержания численности населения, необходимой для выживания группы. Как правило, родители не слишком много вкладывают

10. Международное мониторинговое исследование качества школьного математического и естественнонаучного образования (*Trends in Mathematics and Science Study*).

11. Международная программа по оценке образовательных достижений учащихся (*Programme for International Student Assessment*).

в процесс воспитания: риски того, что такая «инвестиция» не вернется, крайне высоки из-за значительного уровня детской смертности. Репродуктивная «ставка» делается не на качество, а на количество: постараться завести как можно больше детей в надежде на то, что кто-то из них выживет без особых усилий со стороны родителей. По этой же причине многие считают бессмысленными затраты на получение образования — оно может окупиться только в отдаленном и неопределенном будущем, до которого еще надо дожить. Участие в преступной деятельности зачастую рассматривается в качестве куда более быстрого способа добиться жизненного успеха.

В стабильной и безопасной обстановке, характерной для восточноазиатских и скандинавских стран, люди предпочитают медленные стратегии. Детей обычно заводят в сравнительно позднем возрасте и вкладывают значительные ресурсы в их воспитание и образование, а насильственная преступность распространена в незначительной степени.

Связующим элементом теории монументализма — гибкости и теории жизненных стратегий является то, что обе построены на противопоставлении краткосрочных и долгосрочных целей и выгод. В культурном плане это противопоставление проявляется в том, какая установка является преобладающей в обществе: быть самим собой и жить настоящим, удовлетворяя текущие потребности по максимуму, либо заботиться о будущем, подавляя сиюминутные желания и эмоции и пытаясь улучшить себя, чтобы добиться успеха в будущем¹².

Важно отметить, что объективная культурная карта мира (Minkov, Kaasa, 2021b: 257; см. также: Minkov, Kaasa, 2022) практически в точности воспроизводит субъективную, представленную выше на рисунке 1. Достаточно заменить названия осей: «индивидуализм — коллективизм» на «низкий — высокий уровень эмансипации» и «монументализм — гибкость» на «краткосрочную — долгосрочную ориентацию». Единственным существенным отличием является положение кластера, соответствующего арабским странам: на карте объективной культуры по горизонтальной оси он находится сразу под Европой, тогда как на карте субъективной культуры — в левой части графика вместе с африканскими и латиноамериканскими обществами. Другими словами, в Арабском мире медленные жизненные стратегии распространены в несколько большей степени, чем в Африке и Латинской Америке, хотя по общему уровню монументализма эти макрорегионы похожи.

Интересно, что двухмерная структура, возможно, описывает не только межстрановые, но и субнациональные различия между регионами гетерогенных

12. Готовность к самоограничению, характерная для гибких обществ, может объяснять недавние достижения восточноазиатских государств в различных аспектах социально-экономического развития. В частности, имеются свидетельства в пользу того, что именно благодаря преобладанию «гибких» ориентаций эти страны в среднем были более успешными в плане противодействия пандемии COVID-19 (Li et al., 2022). Другим важным следствием культурных различий в сфере общественного здоровья является относительная распространенность ожирения: в социумах с высоким уровнем гибкости, в отличие от монументалистских обществ, людей с лишним весом довольно мало. Индивидуализм тоже может способствовать ожирению, но только среди мужчин (Akaliyski et al., 2022).

в культурном отношении государств. В частности, Минков и Кааса (2021b) показали, что измерения, соответствующие осям как субъективной, так и объективной культурных карт мира, обнаруживаются при анализе агрегированных опросных данных и социально-экономических статистических показателей по 50 американским штатам (см. рис. 6). Штаты, в которых выше уровень религиозности и в большей степени распространены консервативные установки по отношению к абортам и однополым бракам (то есть преобладают коллективистские установки), также характеризуются большей дискриминацией женщин и значительной смертностью в дорожно-транспортных происшествиях. В свою очередь, штаты с более низкой средней школьной успеваемостью демонстрируют и другие признаки преобладания быстрых жизненных стратегий/краткосрочных ориентаций: в них выше доля матерей-одиночек, а также чаще фиксируются подростковые беременности и умышленные убийства.

Чем объясняется вариация в распространенности культурных установок различных типов? На данный момент в литературе сложился консенсус относительно того, что ключевым фактором, определяющим положение на оси индивидуализма — коллективизма, является уровень экономического развития и материального благосостояния общества (Hofstede, 2001; Welzel, 2013). Жители более богатых стран находятся в относительно защищенном положении: им не требуется ежедневная поддержка окружения для физического выживания и обеспечения приемлемого уровня жизни, что дает большую свободу от давления традиционных норм. Также высказывались предположения о том, что распространению индивидуалистических ценностей могут способствовать определенные конфигурации устойчивых долгосрочных геоклиматических характеристик конкретных территорий, например, доступность больших объемов пресной воды в комбинации с относительно прохладным и влажным климатом, характерным для умеренных широт, в частности для Северной Европы, на протяжении последних нескольких тысяч лет (Welzel, 2013; Welzel et al., 2023; Silva et al., 2023; Вельцель, 2018).

Другая гипотеза увязывает культурные паттерны с исторически преобладавшим в той или иной местности типом сельскохозяйственной деятельности. Минков и Кааса (2021b) обнаружили, что индивидуалистические установки распространены в тех регионах, где вплоть до начала XX века доминирующей отраслью сельского хозяйства (согласно известной классификации Деруэнта Уиттлси: Wittlesey, 1936) было молочное животноводство (*dairy farming*) — на севере и западе Европы, а также в некоторых англоязычных переселенческих колониях. Согласно антропологическим свидетельствам, молочное хозяйство характеризуется высокой вовлеченностью женщин, что дает последним определенную независимость и относительно высокий социальный статус и таким образом способствует формированию эгалитарных гендерных установок, являющихся важным элементом индивидуализма. Кроме того, оно не требует значительных трудовых ресурсов и потому может практиковаться нуклеарными домохозяйствами, распространенность которых является еще одним признаком индивидуалистических культур,

а также предполагает оседлость, стимулирующую развитие права собственности на землю (нормативное осмысление и обоснование которого в творчестве Джона Локка и других политических философов раннего Нового времени стало одним из оснований более общей — и фундаментально индивидуалистической — либеральной идеи прав человека).

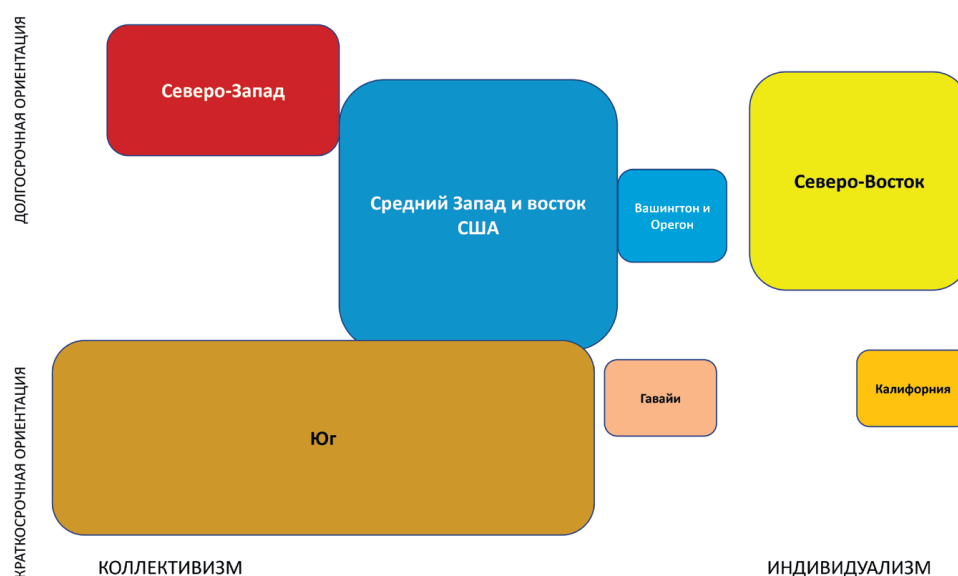

Рис. 6. Культурная карта США

Как уже отмечалось выше, в обществах, где сегодня население придерживается коллективистских взглядов, основными типами хозяйствования были кочевое скотоводство или переложное земледелие. В обоих случаях необходимость периодически менять ареал обитания препятствует развитию оседлости — и тем самым формированию индивидуальной земельной собственности, — а также порождает конкуренцию за территорию и другие ресурсы (например, распространенную в кочевых пастушеских сообществах практику кражи скота у соседних племен), в свою очередь провоцирующую физическое межгрупповое насилие. В таких условиях защита и поддержка со стороны сообщества являются базовыми потребностями, что приводит к формированию кланово-племенных структур, подразумевающих безоговорочное подчинение отдельных членов группы узкой элитной прослойке и — в обезличенном виде — коллективным нормам как основному механизму обеспечения внутригрупповой солидарности и, следовательно, выживания группы в целом.

Об истоках современных различий по измерению монументализм — гибкость известно меньше, однако они также могут в определенной степени отражать исторические различия в распространенности тех или иных типов сельского хозяйства. В частности, предполагается, что экономика, основывающаяся на возделывании риса, может способствовать развитию ценностей гибкости. Другим потенциально

важным дифференцирующим фактором в этом отношении является то, насколько долго (и непрерывно) на конкретной территории существуют сложные бюрократические структуры.

Заключение

Несмотря на огромную популярность в научной и бизнес-литературе, модель культуры Хофстеде не подтверждается новыми, более надежными и представительными данными, полученными в исследовании *MediaCom* и из других источников, в том числе таких, как Всемирное исследование ценностей и Международная программа социальных исследований. Обновленная двухмерная модель Минкова-Хофстеде гораздо лучше согласуется с имеющимся массивом опросных данных. Более того, она воспроизводится с помощью различных типов индикаторов: самоописаний; представлений о качествах, которые стоит воспитывать в детях; финансовых приоритетов жителей разных стран мира и т. д. Оба компонента этой модели, индивидуализм — коллективизм и монументализм — гибкость, тесно связаны с межстрановыми различиями в объективных индикаторах социально-экономического развития, а также географических характеристиках и разнообразных исторических переменных.

Это, однако, не означает, что указанная модель является законченной и универсальной. Хотя национальная культура — довольно стабильный феномен, ей все же свойственно меняться (пусть и довольно медленно) под воздействием разного рода внешних и внутренних факторов, таких как экономический рост, политические трансформации или изменение средовых условий. Кроме того, открытым остается вопрос о возможности использования этой модели для объяснения субнациональных культурных различий (хотя пример США предполагает, что она может оказаться вполне эффективным аналитическим инструментом как минимум в случае других стран, обладающих похожими характеристиками: России¹³, Китая, Бразилии и т. д.). Вполне возможно, что через некоторое время модель Минкова-Хофстеде также потребует пересмотра или уточнения. Тем не менее на текущий момент она является одним из наиболее продвинутых теоретических описаний глобальной вариации в коллективных нормах и ценностях и обусловленных ими поведенческих паттернах и потому заслуживает пристального внимания исследователей, интересующихся соответствующей проблематикой.

13. Недавно опубликованное исследование Минкова и коллег (2023) показывает, что измерение индивидуализм — коллективизм воспроизводится на материалах масштабного опроса, охватывающего 60 крупнейших субъектов РФ. При этом агрегированные показатели субъективной культуры коррелируют как с объективными социально-экономическими и политическими индикаторами, так и с региональными географическими характеристиками.

Литература

- Безуголова Н. П. (2008). Модель четырех параметров культуры Гирта Хофстеда // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. № 5. С. 29–32.
- Вельцель К. (2018). Рождение свободы / Под ред. Э. Д. Понарина, О. А. Оберемко; пер. с англ. А. В. Лисовского. М.: ВЦИОМ.
- Данилова Е., Тарарухина М. (2003). Российская производственная культура в параметрах Г. Хофстеде // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 3. С. 53–64.
- Зинькина Ю. В., Слинко Е. В., Быканова Д. А., Коротяев А. В. (2018). Динамика ценностей и модернизация: опыт количественного анализа // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 21. № 1. С. 44–72.
- Инглхарт Р., Вельцель К. (2011). Модернизация, культурные изменения и демократия / Под ред. Ю. Кузнецова; пер. с англ. М. Коробочкина. М.: Новое издательство.
- Инглхарт Р. (2018). Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир / Под ред. М. А. Завадской, В. В. Костенко, А. А. Широкаковой; научн. ред. Э. Д. Понарин; пер. с англ. С. Л. Лопатиной. М.: Мысль.
- Инглхарт Р. (2022). Неожиданный упадок религиозности в развитых странах. / Под ред. Э. Д. Понарина; пер. с англ. Н. Ю. Фирсовой. СПб.: Изд. Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Латова Н. В. (2016). Культурная специфика россиян (этнометрический анализ на основе концепции Г. Хофстеде) // Вестник института социологии. Т. 7. № 4. С. 155–179.
- Латова Н. В. (2017). Производственная культура рабочих современной России как элемент их человеческого капитала (этнометрический анализ на основе концепции Г. Хофстеде) // Мир России. Т. 26. № 3. С. 36–63.
- Латова Н. В., Латов Ю. В. (2001). Российская экономическая ментальность на мировом фоне // Общественные науки и современность. № 4. С. 31–43.
- Магун В. С., Руднев М. Г. (2008). Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. № 1(93). С. 33–58.
- Магун В. С., Руднев М. Г. (2010). Базовые ценности россиян и других европейцев (по материалам опросов 2008 года) // Вопросы экономики. № 12. С. 107–130.
- Науменко Т. В., Морозова Д. А. (2018). Теория межкультурных измерений Г. Хофстеде как методологическая основа исследования современных социальных процессов // Международный журнал исследований культуры. № 1. С. 144–154.
- Хофстеде Г. (2014). Модель Хофстеде в контексте: параметры количественной характеристики культур / Пер. с англ. В. Б. Кашкина // Язык, коммуникация и социальная среда. № 12. С. 9–49.
- Шварц Ш. (2008). Культурные ценностные ориентации: природа и следствия национальных различий / Пер. с англ. Е. А. Валугевои // Психология. Журнал Высшей школы экономики. Т. 5. № 2. С. 37–67.

- Akaliyski P., Minkov M., Li J., Bond M. H., Gehrig S.* (2022). The Weight of Culture: Societal Individualism and Flexibility Explain Large Global Variations in Obesity // *Social Science & Medicine*. Vol. 307. Art. 115167.
- Baskerville R. F.* (2003). Hofstede Never Studied Culture // *Accounting, Organizations, and Society*. Vol. 28. № 1. P. 1–14.
- Beugelsdijk S., Welzel C.* (2018). Dimensions and Dynamics of National Culture: Synthesizing Hofstede with Inglehart // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. Vol. 49. № 10. P. 1469–1505.
- Bond M. H.* (2002). Reclaiming the Individual from Hofstede's Ecological Analysis — A 20-Year Odyssey: Comment on Oyserman et al. (2002) // *Psychological Bulletin*. Vol. 128. № 1. P. 73–77.
- Csathó Á., Birkás B.* (2018). Early-Life Stressors, Personality Development and Fast Life Strategies: An Evolutionary Perspective on Malevolent Personality Features // *Frontiers in Psychology*. Vol. 9. Art. 305.
- Dobewall H., Rudnev M.* (2014). Common and Unique Features of Schwartz's and Inglehart's Value Theories at the Country and Individual Levels // *Cross-Cultural Research*. Vol. 48. № 1. P. 45–77.
- Fog A.* (2021). A Test of the Reproducibility of the Clustering of Cultural Variables // *Cross-Cultural Research*. Vol. 55. № 1. P. 29–57.
- Fog A.* (2023). Two-Dimensional Models of Cultural Differences: Statistical and Theoretical Analysis // *Cross-Cultural Research*. Vol. 57. № 2-3. P. 115-165.
- Gelfand M. J., Bhawuk D. P. S., Nishii L. H., Bechtold D. J.* (2004). Individualism and Collectivism // *Culture, Leadership, and Organizations: The GLOBE Study of 62 Societies* / R. J. House, P. J. Hanges, M. Javidan, P. W. Dorfman, V. Gupta (eds.). Thousand Oaks, CA: Sage. P. 437–512.
- Hofstede G.* (1980). *Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values*. Beverly Hills, CA: Sage.
- Hofstede G.* (1991). *Cultures and Organizations: Software of the Mind*. London: McGraw-Hill.
- Hofstede G.* (2001). *Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions, and Organizations across Nations*. Thousand Oaks, CA: Sage.
- House R. J., Hanges P. J., Javidan M., Dorfman P. W., Gupta V.* (eds.). (2004). *Culture, Leadership, and Organizations: The GLOBE Study of 62 Societies*. Thousand Oaks, CA: Sage.
- Inglehart R., Baker W. E.* (2000). Modernization, Cultural Change, and the Persistence of Traditional Values // *American Sociological Review*. Vol. 65. № 1. P. 19–51.
- Inglehart R., Welzel C.* (2005). *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kaasa A.* (2021). Merging Hofstede, Schwartz, and Inglehart into a Single System // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. Vol. 52. № 4. P. 339–353.
- Kaasa A., Minkov M.* (2022). Are Different Two-Dimensional Models of Culture Just a Matter of Different Rotations? Evidence from the Analysis Based on the WVS/EVS // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. Vol. 53. № 2. P. 127–156.

- Kaasa A., Welzel C.* (2023). Elements of Schwartz's Model in the WVS: How Do They Relate to Other Cultural Models? // *Cross-Cultural Research*. URL: <https://doi.org/10.1177/10693971231179792> (дата доступа: 01.06.2023)
- Kurman J., Dan O.* (2007). Unpackaging Cross-Cultural Differences in Initiation between Israeli Subgroups: Tradition and Control Orientations as Mediating Factors // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. Vol. 38. № 5. P. 581–594.
- Li J., Akaliyski P., Heisig J. P., Löbl S., Minkov M.* (2022). Flexible Societies Excelled in Saving Lives in the First Phase of the COVID-19 Pandemic // *Frontiers in Psychology*. Vol. 13. Art. 924385.
- Maleki A., de Jong M.* (2014). A Proposal for Clustering the Dimensions of National Culture // *Cross-Cultural Research*. Vol. 48. № 2. P. 107–143.
- McCrae R. R., Costa P. T. Jr.* (2008). The Five-Factor Theory of Personality // *Handbook of Personality: Theory and Research* / O. P. John, R. W. Robins, L. A. Pervin (eds.). New York, NY: Guilford Press. P. 159–181.
- McSweeney B.* (2002). Hofstede's Model of National Cultural Differences and Their Consequences: A Triumph of Faith — A Failure of Analysis // *Human Relations*. Vol. 55. № 1. P. 89–118.
- Merritt A.* (2000). Culture in the Cockpit: Do Hofstede's Dimensions Replicate? // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. Vol. 31. № 3. P. 283–301.
- Minkov M.* (2016). Predictors of Societal Accident Proneness across 92 Countries // *Cross-Cultural Research*. Vol. 50. № 2. P. 103–122.
- Minkov M.* (2018). A Revision of Hofstede's Model of National Culture: Old Evidence and New Data from 56 Countries // *Cross Cultural & Strategic Management*. Vol. 25. № 2. P. 231–256.
- Minkov M., Bond M. H., Dutt P., Schachner M., Morales O., Sanchez C., Jandosova J., Khassenbekov Ye., Mudd B.* (2018). A Reconsideration of Hofstede's Fifth Dimension: New Flexibility Versus Monumentalism Data from 54 Countries // *Cross-Cultural Research*. Vol. 52. № 3. P. 309–333.
- Minkov M., Dutt P., Schachner M., Jandosova J., Khassenbekov Ye., Morales O., Sanchez C. J., Mudd B.* (2018). What Values and Traits Do Parents Teach to Their Children? New Data from 54 Countries // *Comparative Sociology*. Vol. 17. № 2. P. 221–252.
- Minkov M., Dutt P., Schachner M., Jandosova J., Khassenbekov Ye., Morales O., Blagoev B.* (2019). What Would People Do with Their Money If They Were Rich? A Search for Hofstede Dimensions across 52 Countries // *Cross Cultural & Strategic Management*. Vol. 26. № 1. P. 93–116.
- Minkov M., Dutt P., Varma T., Schachner M., Morales O., Sanchez C. J., Jandosova J., Khassenbekov Ye., Mudd B.* (2017). A Revision of Hofstede's Individualism — Collectivism Dimension: A New National Index from a 56-Country Study // *Cross-Cultural & Strategic Management*. Vol. 24. № 3. P. 386–404.
- Minkov M., Hofstede G.* (2012). Hofstede's Fifth Dimension: New Evidence from the World Values Survey // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. Vol. 43. № 1. P. 3–14.

- Minkov M., Kaasa A.* (2021a). A Test of Hofstede's Model of Culture Following His Own Approach // *Cross Cultural & Strategic Management*. Vol. 28. № 2. P. 384–406.
- Minkov M., Kaasa A.* (2021b). A Test of the Revised Minkov — Hofstede Model of Culture: Mirror Images of Subjective and Objective Culture across Nations and the 50 US States // *Cross-Cultural Research*. Vol. 55. № 2–3. P. 230–281.
- Minkov M., Kaasa A.* (2022). Do Dimensions of Culture Exist Objectively? A Validation of the Revised Minkov-Hofstede Model of Culture with World Values Survey Items and Scores for 102 Countries // *Journal of International Management*. Vol. 28. № 4. 100971.
- Minkov M., Sokolov B., Ponarin E., Almakaeva A., Nastina E.* (2023). Is “Regional Culture” a Meaningful Concept? Cultural Differences Across 60 Russian regions // *Cross Cultural & Strategic Management*. Vol. 30. № 3. P. 637–656.
- Peterson M. F.* (2003). Review: Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions, and Organizations across Nations, 2nd ed. Geert Hofstede. Thousand Oaks, CA: Sage, 2001 // *Administrative Science Quarterly*. Vol. 48. № 1. P. 127–131.
- Schwartz Sh.* (1994). Beyond Individualism/Collectivism: New Cultural Dimensions of Values // *Individualism and Collectivism: Theory, Method, and Application* / U. Kim, H. C. Triandis, Ç. Kağıtçıbaşı, S.-Ch. Choi, G. Yoon (eds.). Thousand Oaks, CA: Sage. P. 85–119.
- Schwartz Sh.* (2006). A Theory of Cultural Value Orientations: Explication and Applications // *Comparative Sociology*. Vol. 5. № 2–3. P. 137–182.
- Schwartz Sh.* (2014). National Culture as Value Orientations: Consequences of Value Differences and Cultural Distance // *Handbook of the Economics of Art and Culture* / V. A. Ginsburgh, D. Throsby (eds.). Elsevier. Vol. 2. P. 547–586.
- Silva M. S., Alexander A. C., Klasen S., Welzel C.* (2023). The Roots of Female Emancipation: Initializing Role of Cool Water // *Journal of Comparative Economics*. Vol. 51. № 1. P. 133–159.
- Singelis T. M., Bond M. H., Sharkey W. F., Lai C. S. Y.* (1999). Unpackaging Culture's Influence on Self-Esteem and Embarrassability: The Role of Self-Construals // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. Vol. 30. № 3. P. 315–341.
- Taras V., Steel P., Kirkman B. L.* (2012). Improving National Cultural Indices Using a Longitudinal Meta-Analysis of Hofstede's Dimensions // *Journal of World Business*. Vol. 47. № 3. P. 329–341.
- The Chinese Culture Connection* (1987). Chinese Values and the Search for Culture-Free Dimensions of Culture // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. Vol. 18. № 2. P. 143–164.
- van de Vliert E.* (2020). The Global Ecology of Differentiation Between Us and Them // *Nature Human Behavior*. Vol. 4. № 3. P. 270–278.
- Welzel C.* (2013). *Freedom Rising: Human Empowerment and the Quest for Emancipation*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Welzel C., Kruse S., Brunkert L., Brieger S.* (2023). The Cool Water Effect: The Origin of Humankind's Emancipatory Turn. Preprint. URL: <https://www.coolwatereffect.com/publications> дата доступа: 27 July 2023)

White E. (2008). Quest for Innovation, Motivation Inspires the Gurus. URL: <https://www.wsj.com/articles/SB120994652485566323> (дата доступа: 19.03.2023).

Whittlesey D. (1936). Major Agricultural Regions of the Earth // *Annals of the Association of American Geographers*. Vol. 26. № 4. P. 199–240.

World Values Survey Association (2023). Findings and Insights. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSContents.jsp?CMSID=Findings> (дата доступа: 19.03.2023).

Evolution of the Hofstede Model of Cultural Dimensions: Parallels Between Objective and Subjective Culture¹⁴

Michael Minkov

PhD in Social Anthropology, Academic Supervisor at the Ronald F. Inglehart Laboratory for Comparative Social Research, HSE University, Russian Federation; Professor of Cross-Cultural Studies, Varna University of Management, Bulgaria.

Address: 20 Myasnitskaya str., Moscow, Russian Federation 101000

E-mail: michaelminkov@yahoo.com

Boris Sokolov

Candidate of Sciences in Political Science, Laboratory Head and Senior Research Fellow at the Ronald F. Inglehart Laboratory for Comparative Social Research, HSE University; Associate Professor at the Department of Sociology, St. Petersburg School of Social Sciences and Area Studies, HSE University in St. Petersburg.

Address: 55-2 Sedova str., Saint Petersburg, Russian Federation 192171

E-mail: bssokolov@hse.ru; bssokolov@gmail.com

Ilya Lomakin

Visiting Researcher at the Ronald F. Inglehart Laboratory for Comparative Social Research, HSE University; Expert at the Department for Publishing Programs, Russian Public Opinion Research Center.

Address: 20 Myasnitskaya str., Moscow, Russian Federation 101000

E-mail: ilomakin@hse.ru, elijah.lomakin@gmail.com

Some 40 years ago, the Dutch social scientist Geert Hofstede laid the foundations of the science of modern cultural comparisons and created the most popular model of national culture that is still in use today across the world. Meanwhile, numerous issues with that model have been identified and the need for a thorough revision has become obvious. This article briefly explains Hofstede's model and its issues and summarizes the existing revisions of it, resulting in a new, simpler, and more robust Minkov-Hofstede model. This new version explains a wide range of differences in national indicators, such as transparency-corruption, gender equality, road death tolls and industrial fatalities, educational achievement, violent crime, adolescent fertility, family structure, and innovation rates, to name just a few. These indicators form a pattern that is similar to the new Minkov-Hofstede model and can be explained through similar theories. This is evidence that *subjective culture* (what people think and feel) has a mirror image in *objective culture* (what people do). The new Minkov-Hofstede model can be applied to countries, as well as to some sub-national units such as US states.

Keywords: cross-cultural research, national culture, Geert Hofstede, Minkov -Hofstede model, individualism-collectivism, monumentalism-flexibility

14. The article was prepared within the framework of the HSE University Basic Research Program.

References

- Akaliyski P., Minkov M., Li J., Bond M. H., Gehrig S. (2022) The Weight of Culture: Societal Individualism and Flexibility Explain Large Global Variations in Obesity. *Social Science & Medicine*, vol. 307, art. 115167.
- Baskerville R. F. (2003) Hofstede Never Studied Culture. *Accounting, Organizations, and Society*, vol. 28, no 1, pp. 1–14.
- Beugelsdijk S., Welzel C. (2018) Dimensions and Dynamics of National Culture: Synthesizing Hofstede with Inglehart. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, vol. 49, no 10, pp. 1469–1505.
- Bezuglova N. P. (2008) Model' chetyreh parametrov kul'tury Girta Hofsteda [Geert Hofstede's Four Cultural Dimensions Model]. *Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts*, no 5, pp. 29–32.
- Bond M. H. (2002) Reclaiming the Individual from Hofstede's Ecological Analysis — A 20-Year Odyssey: Comment on Oyserman et al. (2002). *Psychological Bulletin*, vol. 128, no 1, pp. 73–77.
- Csathó Á., Birkás B. (2018) Early-Life Stressors, Personality Development and Fast Life Strategies: An Evolutionary Perspective on Malevolent Personality Features. *Frontiers in Psychology*, vol. 9, art. 305.
- Danilova E., Tararukhina M. (2003) Rossijskaja proizvodstvennaja kul'tura v parametrah G. Hofsteda [The Russian Industrial Culture in G. Hofstede's Dimensions]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no 3, pp. 53–64.
- Dobewall H., Rudnev M. (2014) Common and Unique Features of Schwartz's and Inglehart's Value Theories at the Country and Individual Levels. *Cross-Cultural Research*, vol. 48, no 1, pp. 45–77.
- Fog A. (2021) A Test of the Reproducibility of the Clustering of Cultural Variables. *Cross-Cultural Research*, vol. 55, no 1, pp. 29–57.
- Fog A. (2023) Two-Dimensional Models of Cultural Differences: Statistical and Theoretical Analysis. *Cross-Cultural Research*, vol. 57, no 2-3, pp. 115-165.
- Gelfand M. J., Bhawuk D. P. S., Nishii L. H., Bechtold D. J. (2004) Individualism and Collectivism. *Culture, Leadership, and Organizations: The GLOBE Study of 62 Societies* (eds. R. J. House, P. J. Hanges, M. Javidan, P. W. Dorfman, V. Gupta), Thousand Oaks, CA: Sage, pp. 437–512.
- Hofstede G. (1980) *Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values*, Beverly Hills, CA: Sage.
- Hofstede G. (1991) *Cultures and Organizations: Software of the Mind*, London: McGraw-Hill.
- Hofstede G. (2001) *Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions, and Organizations across Nations*, Thousand Oaks, CA: Sage.
- Hofstede G. (2014) Model' Hofstede v kontekste: parametry kolichestvennoj harakteristiki kul'tur [Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context]. *Language, Communication and Social Environment*, no 12, pp. 9–49.
- House R. J., Hanges P. J., Javidan M., Dorfman P. W., Gupta V. (eds.) (2004) *Culture, Leadership, and Organizations: The GLOBE Study of 62 Societies*, Thousand Oaks, CA: Sage.
- Inglehart R., Baker W. E. (2000) Modernization, Cultural Change, and the Persistence of Traditional Values. *American Sociological Review*, vol. 65, no 1, pp. 19–51.
- Inglehart R., Welzel C. (2005) *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Inglehart R., Welzel C. (2011) *Modernizatsia, kul'turnye izmeneiya i demokratia* [Modernization, Cultural Change, and Democracy], Moscow: Novoe Izdatel'stvo.
- Inglehart R. (2018) *Kulturnaya evolutsia: kak izmenyayutsya tchelovetcheskie motivatsii i kak eto menyaet mir* [Cultural Evolution: People's Motivations are Changing, and Reshaping the World], Moscow: Mysl'.
- Inglehart R. (2022) *Neozhidanniy upadok religioznosti v razvityikh stranah* [Religion's Sudden Decline], St. Petersburg: EUSP press.
- Kaasa A. (2021) Merging Hofstede, Schwartz, and Inglehart into a Single System. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, vol. 52, no 4, pp. 339–353.
- Kaasa A., Minkov M. (2022) Are Different Two-Dimensional Models of Culture Just a Matter of Different Rotations? Evidence from the Analysis Based on the WVS/EVS. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, vol. 53, no 2, pp. 127–156.

- Kaasa A., Welzel C. (2023) Elements of Schwartz's Model in the WVS: How Do They Relate to Other Cultural Models? *Cross-Cultural Research*. URL: <https://doi.org/10.1177/10693971231179792> (accessed 01 June 2023)
- Kurman J., Dan O. (2007) Unpackaging Cross-Cultural Differences in Initiation between Israeli Subgroups: Tradition and Control Orientations as Mediating Factors. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, vol. 38, no 5, pp. 581–594.
- Latova N.V. (2016) Kul'turnaja specifiika rossijan (jetnometricheskij analiz na osnove koncepcii G. Hofsteda) [Russians' Cultural Specificity (An Ethnometrical Analysis Based on G. Hofstede's Concept)]. *Bulletin of the Institute of Sociology*, vol. 7, no 4, pp. 155–179.
- Latova N.V. (2017) Proizvodstvennaja kul'tura rabochih sovremennoj Rossii kak jelement ih chelovecheskogo kapitala (jetnometricheskij analiz na osnove koncepcii G. Hofsteda) [The Industrial Culture of Modern Russian Workers as an Element of Their Human Capital (An Ethnometric Analysis Using G. Hofstede's Model)]. *Universe of Russia*, vol. 27, no 3, pp. 36–63.
- Latova N.V., Latov Yu. V. (2001) Rossijskaja jekonomicheskaja mental'nost' na mirovom fone [The Russian Economic Mentality in the World Context]. *Social Sciences and Contemporary World*, no 4, pp. 31–43.
- Li J., Akaliyski P., Heisig J.P., Löbl S., Minkov M. (2022) Flexible Societies Excelled in Saving Lives in the First Phase of the COVID-19 Pandemic. *Frontiers in Psychology*, vol. 13, art. 924385.
- Magun V. S., Rudnev M. G. (2008) Zhiznenniye tsennosti rossiyskogo naseleniya: skhodstva i otlichiya v sravnenii s drugimi evropeyskimi stranami [The life values of the Russian population: Similarities and differences in comparison with other European countries]. *Vestnik Obschestvennogo mneniya. Dannije. Analiz. Discussii*, no 1(93), pp. 33–58.
- Magun V. S., Rudnev M. G. (2010) Bazoviye tsennosti rossiyan i drugikh evropejcev (po materialam oprosov 2008 goda) [Basic Human Values of Russians and Other Europeans (The Results of 2008 Surveys)]. *Voprosy Ekonomiki*, no 12, pp. 107–130.
- Maleki A., de Jong M. (2014) A Proposal for Clustering the Dimensions of National Culture. *Cross-Cultural Research*, vol. 48, no 2, pp. 107–143.
- McCrae R. R., Costa P.T. Jr. (2008) The Five-Factor Theory of Personality. *Handbook of Personality: Theory and Research* (eds. O. P. John, R.W. Robins, L. A. Pervin), New York, NY: Guilford Press, pp. 159–181.
- McSweeney B. (2002) Hofstede's Model of National Cultural Differences and Their Consequences: A Triumph of Faith — A Failure of Analysis. *Human Relations*, vol. 55, no 1, pp. 89–118.
- Merritt A. (2000) Culture in the Cockpit: Do Hofstede's Dimensions Replicate? *Journal of Cross-Cultural Psychology*, vol. 31, no 3, pp. 283–301.
- Minkov M. (2016) Predictors of Societal Accident Proneness across 92 Countries. *Cross-Cultural Research*, vol. 50, no 2, pp. 103–122.
- Minkov M. (2018) A Revision of Hofstede's Model of National Culture: Old Evidence and New Data from 56 Countries. *Cross Cultural & Strategic Management*, vol. 25, no 2, pp. 231–256.
- Minkov M., Bond M. H., Dutt P., Schachner M., Morales O., Sanchez C., Jandosova J., Khassenbekov Ye., Mudd B. (2018) A Reconsideration of Hofstede's Fifth Dimension: New Flexibility Versus Monumentalism Data from 54 Countries. *Cross-Cultural Research*, vol. 52, no 3, pp. 309–333.
- Minkov M., Dutt P., Schachner M., Jandosova J., Khassenbekov Ye., Morales O., Sanchez C. J., Mudd B. (2018) What Values and Traits Do Parents Teach to Their Children? New Data from 54 Countries. *Comparative Sociology*, vol. 17, no 2, pp. 221–252.
- Minkov M., Dutt P., Schachner M., Jandosova J., Khassenbekov Ye., Morales O., Blagoev B. (2019) What Would People Do with Their Money If They Were Rich? A Search for Hofstede Dimensions across 52 Countries. *Cross Cultural & Strategic Management*, vol. 26, no 1, pp. 93–116.
- Minkov M., Dutt P., Varma T., Schachner M., Morales O., Sanchez C. J., Jandosova J., Khassenbekov Ye., Mudd B. (2017) A Revision of Hofstede's Individualism — Collectivism Dimension: A New National Index from a 56-Country Study. *Cross-Cultural & Strategic Management*, vol. 24, no 3, pp. 386–404.
- Minkov M., Hofstede G. (2012) Hofstede's Fifth Dimension: New Evidence from the World Values Survey. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, vol. 43, no 1, pp. 3–14.
- Minkov M., Kaasa A. (2021a) A Test of Hofstede's Model of Culture Following His Own Approach. *Cross Cultural & Strategic Management*, vol. 28, no 2, pp. 384–406.

- Minkov M., Kaasa A. (2022) Do Dimensions of Culture Exist Objectively? A Validation of the Revised Minkov-Hofstede Model of Culture with World Values Survey Items and Scores for 102 Countries. *Journal of International Management*, vol. 28, no 4, 100971.
- Minkov M., Kaasa A. (2021) A Test of the Revised Minkov — Hofstede Model of Culture: Mirror Images of Subjective and Objective Culture across Nations and the 50 US States. *Cross-Cultural Research*, vol. 55, no 2–3, pp. 230–281.
- Minkov M., Sokolov B., Ponarin E., Almakaeva A., Nastina E. (2023) Is “regional culture” a meaningful concept? Cultural differences across 60 Russian regions. *Cross Cultural & Strategic Management*, vol. 30, no 3, pp. 637–656.
- Naumenko T.V., Morozova D. A. (2018) Teorija mezkhkul'turnyh izmerenij G. Hofstede kak metodologicheskaja osnova issledovanija sovremennyh social'nyh processov [Cultural Dimensions Theory of G. Hofstede as a Methodological Basis for the Study of Modern Social Processes]. *International Journal of Cultural Research*, no 1, pp. 144–154.
- Peterson M. F. (2003) Review: Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions, and Organizations across Nations, 2nd ed. Geert Hofstede. Thousand Oaks, CA: Sage, 2001. *Administrative Science Quarterly*, vol. 48, no 1, pp. 127–131.
- Schwartz Sh. (1994) Beyond Individualism/Collectivism: New Cultural Dimensions of Values. *Individualism and Collectivism: Theory, Method, and Application* (eds. U. Kim, H. C. Triandis, Ç. Kağıtçıbaşı, S.-Ch. Choi, G. Yoon), Thousand Oaks, CA: Sage, pp. 85–119.
- Schwartz Sh. (2006) A Theory of Cultural Value Orientations: Explication and Applications. *Comparative Sociology*, vol. 5, no 2–3, pp. 137–182.
- Schwartz Sh. (2008) Kul'turnye cennostnye orientacii: priroda i sledstviya nacional'nyh razlichij [Cultural Value Orientations: Nature & Implications of National Differences]. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, vol. 5, no 2, pp. 37–67.
- Schwartz Sh. (2014) National Culture as Value Orientations: Consequences of Value Differences and Cultural Distance. *Handbook of the Economics of Art and Culture* (eds. V. A. Ginsburgh, D. Throsby), Elsevier, vol. 2, pp. 547–586.
- Silva M. S., Alexander A. C., Klasen S., Welzel C. (2023) The Roots of Female Emancipation: Initializing Role of Cool Water. *Journal of Comparative Economics*, vol. 51, no 1, pp. 133–159.
- Singelis T. M., Bond M. H., Sharkey W. F., Lai C. S. Y. (1999) Unpackaging Culture's Influence on Self-Esteem and Embarrassability: The Role of Self-Construals. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, vol. 30, no 3, pp. 315–341.
- Taras V., Steel P., Kirkman B. L. (2012) Improving National Cultural Indices Using a Longitudinal Meta-Analysis of Hofstede's Dimensions. *Journal of World Business*, vol. 47, no 3, pp. 329–341.
- The Chinese Culture Connection (1987) Chinese Values and the Search for Culture-Free Dimensions of Culture. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, vol. 18, no 2, pp. 143–164.
- van de Vliert E. (2020) The Global Ecology of Differentiation Between Us and Them. *Nature Human Behavior*, vol. 4, no 3, pp. 270–278.
- Welzel C. (2013) *Freedom Rising: Human Empowerment and the Quest for Emancipation*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Welzel C. (2018) *Rozhdenie svobody* [Freedom Rising], Moscow: VCIOM. (in Russian)
- Welzel C., Kruse S., Brunkert L., Brieger S. (2023) *The Cool Water Effect: The Origin of Humankind's Emancipatory Turn*. Preprint. Available at: <https://www.coolwatereffect.com/publications> (accessed 27 July 2023)
- White E. (2008) Quest for Innovation, Motivation Inspires the Gurus. Available at: <https://www.wsj.com/articles/SB120994652485566323> (accessed 19 March 2023).
- Whittlesey D. (1936) Major Agricultural Regions of the Earth. *Annals of the Association of American Geographers*, vol. 26, no 4, pp. 199–240.
- World Values Survey Association (2023) Findings and Insights. Available at: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSContents.jsp?CMSID=Findings> (accessed 19 March 2023).
- Zinkina J., Slinko E., Bykanova D., Korotaev A. (2018) Dinamika tsennostei i modernizatsiya: opyt kolichestvennogo analiza [Dynamics of Values and Modernization: A Quantitative Analysis]. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 21, no 1, pp. 44–72.